

Селезнева Лариса Васильевна

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Г. ЧУЛКОВА "ВРЕДИТЕЛЬ")

В статье рассматривается категория текстовой модальности на примере повести Г. Чулкова "Вредитель". Внимание сосредоточено на конституирующей для модальности категории производителя речи и ее проявлении в художественном произведении. Автор показывает две идеологические позиции в повести, соотношение которых рождает интересный модальный план, определяя отбор языковых и речевых средств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/41.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 112-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Пейоративное производное Erzeuger - молодежный дублет к нейтральному «отец» употребляется в адрес мужчины, покинувшего семью, родительские функции которого в отношении ребенка ограничились тем, что он произвел его на свет.

Пейоратив играет важную роль и в политической сатире. Великолепным примером является пейоративный композитум Wahlklosett, обозначающий в политическом шоу героя романа Г. Носсака «Дело д'Артеца» якобы нужник в избирательном участке, а на самом деле являющийся метафорой [Nossak: 23]. Данный пейоратив является способом разоблачить фарс национальных выборов, приравняв политический акт к физиологическим процессам.

В целом пейоративное словообразование немецкого языка демонстрирует способность языка репрезентировать социальный статус языковой личности.

Список использованной литературы

1. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная лексика / В. Д. Девкин. - М., 1973. - 200 с.
2. **Прагматика слова:** Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В. Д. Девкин. - М., 1985. - 109 с.
3. **Семантико-стилистические исследования текста и предложения:** Межвуз. сб. науч. тр. - Л., 1980. - 125 с.
4. **Duden.** Das Stilwörterbuch / Duden. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2001.
5. **Grass, G.** Die Blechtrommel: Roman / G. Grass. - Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. - 779 S.
6. **Nossak, G.** - http://bookz.ru/authors/nossak-gans-erich/d_arthez.html.
7. **Süskind, P.** Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders / P. Süskind. - Zürich: Diogenes Verlag, 1994. - 320 S.
8. **Wahrig, G.** Deutsches Wörterbuch in sechs Bänden / G. Wahrig. - Stuttgart: F. A. Brockhaus Wiesbaden Deutsche Verlags-Anstalt, 1980.
9. **Wahrig, G.** Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. - München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Г. ЧУЛКОВА «ВРЕДИТЕЛЬ»)

Селезнева Л. В.

Российский государственный социальный университет, Международный университет в г. Москве

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Жаткиным Д. Н. и к.ф.н., доц. Скороходовой Е. Ю.

В статье рассматривается категория текстовой модальности на примере повести Г. Чулкова «Вредитель». Внимание сосредоточено на конституирующей для модальности категории производителя речи и ее проявлении в художественном произведении. Автор показывает две идеологические позиции в повести, соотношение которых рождает интересный модальный план, определяя отбор языковых и речевых средств.

Лингвистическая интерпретация модальности в последнее время приобретает очевидную коммуникативную направленность, и в исследовании текста на передний план выдвигается акт коммуникации, т.е. антропоцентрическая парадигма, в центре которой находятся такие основополагающие категории, как автор-персонаж - читатель. В связи с этим модальность осознается не только как грамматическая категория, свойственная предложению, но и как категория текста. И. Р. Гальперин назвал модальность «самой сущностью коммуникативного процесса» [Гальперин 2005: 113], а Г. Я. Солганик определил, как «своеобразное наклонение производителя речи к действительности и собственно к речи» [Солганик 2006: 192]. Другими словами, текстовая модальность определяется отношением производителя речи к самой речи и к действительности.

В связи с этим конституирующее значение для текстовой модальности имеет категория производителя речи. Производитель речи - это создатель текста, который проявляет свою позицию, свое отношение к речи через систему субъектных форм: я - ты - он. В первом случае производитель отождествляет себя с непосредственным участником событий; во втором случае - обращается к человеку близкому, к собеседнику; в третьем случае - отстранен, является наблюдателем.

Наивысшая степень модальности связана с использованием местоимения первого лица, которое свидетельствует о том, что субъект речи и повествователь совпадают. Повествователь говорит о себе, от его имени ведется повествование, т.е. производитель речи и субъект совпадают. Однако в текстах художественной литературы субъект речи никогда не отождествляется с производителем. Поэтому традиционно используют введенное В. В. Виноградовым понятие «образ автора». При этом определяющим компонентом является «точка зрения» автора. Нас интересует, с какой точки зрения автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир. Это может быть точка зрения самого автора, эксплицитно или имплицитно представленная в произведении, точка зрения рассказчика, не совпадающая с автором, точка зрения какого-либо действующего лица. Б. А. Успенский различает актуального и потенциального носителя идеологической точки зрения. В первом случае это может быть автор или рассказчик, который ведет повествование от своего лица, во втором случае - действие описывается «как бы с точки зрения данного героя» [Успенский 1995: 25].

В этом плане интересна малоизвестная повесть Георгия Ивановича Чулкова «Вредитель». Она была написана в январе 1932 года, а опубликована лишь в 1992 году в журнале «Знамя» [Чулков 1992]. (Далее используются цитаты из этого издания). В повести эксплицитно представлено две позиции, две точки зрения:

автора мемуаров и издателя. Их отношение к действительности и к автору мемуаров создает интересный модальный план.

Повесть представляет собой дневник, который пишет бухгалтер Яков Адамович Макковеев. Образ автора совмещает в себе рассказчика и главного героя, что позволяет достичь наивысшей модальности и выразить отношение как к действительности, окружающей главного героя, так и к самому тексту дневника. Это определяет подбор языковых средств, среди которых выделяются идеологемы. Они являются ярким средством выражения идеологической позиции автора.

В начале дневника главный герой дает себе характеристику в духе советского времени: помощник бухгалтера в Сопиковском тресте, холост, в прошлом все благополучно, за исключением «*подозрительного университетского образования*». Имеет репутацию «*безупречного советского гражданина*»: член профсоюза, подписывается на все займы, марширует во всех демонстрациях, несет общественную нагрузку, «не убегая от предвыборных собраний, когда требуют разрушения храмов или “высшей меры наказания” для вредителей». Но, несмотря на внешне благополучную жизнь («*живу скромно*», «*по стенам у меня портреты вождей*»), Макковеев боится: «*Стоит мне только обнаружиться, и я буду тотчас же уничтожен*». «*Обнаружиться*», для Макковеева, значит открыть свои мысли, свое образование («*я знаю по секрету высшую математику*»). Поэтому чтобы выжить, он «*спрятался*»: отказался от места на кафедре математики после окончания университета, «*уклонился*» от назначения на должность главного бухгалтера. Его жизненная позиция - «*надо быть незаметнее*». Лишь по ночам он пишет «*невиннейшие мемуары*», которые прячет под кирпич в стене за форточкой.

Дневниковые записи обрамляет небольшое вступление и заключение, написанные от лица обладателя мемуаров - своеобразного издателя. Они достались ему в наследство от приятеля - старого чекиста. Издатель сожалеет, что автор записок «*ускользнул от нашего возмездия*», что нельзя «*пришить эти мемуары к какой-нибудь реальной политике*», «*дела из них состряпать нельзя*». Такие клише, включающие идеологемы того времени, позволяют составить представление об издателе. Он - следователь ГПУ, как и его приятель, который «*немало зловредных людей отправил туда, “где же несть болезни, печали и вздыханий”, и, в конце концов, сам застрелившийся в Серебряном бору*».

В результате перед нами две разные идейные позиции - издателя и автора мемуаров - ярого приверженца советской власти и человека, который «спрятался». Это две «идеологические точки зрения» (по Б. Успенскому). Средствами их выражения является, прежде всего, лексика, и, в частности, идеологемы. Проведенный анализ показывает, что в качестве средства оценки используются одинаковые идеологемы.

Макковеев о себе	Издатель о Макковееве	Лексика 20-30 гг.
<i>непримиримый враг; ужаснейший вредитель советского порядка, имеющий контрреволюционные мысли; гад пресмыкающийся</i>	<i>враг; явный контрреволюционер; представитель вырождающегося класса, обреченного на гибель; паук; гад; тарантул; хитрец</i>	<i>враг; вредитель; бандит; зверь; мерзавец; хамелеон; урод; прихвостень</i>

Сопоставление с данными А. Романенко по речевой словесности 20-30 гг. позволяет говорить о том, что такие идеологемы характерны были в то время для обозначения врагов советской власти, или вредителей [Романенко 2003].

Слово «вредитель» является не только определением Макковеева, но и вынесено в заглавие, тем самым оно приобретает статус ключевого понятия произведения. Необходимо отметить, что название было дано повести не сразу. В рукописном варианте, по свидетельству М. Михайловой [Чулков 1992: 128], имелось еще два заголовка - «*Дом тринадцать*» и «*Записки безбожника*», - но они были зачеркнуты рукой автора. В данной цепочке *Дом тринадцать - Записки безбожника - Вредитель* видно не только нарастание идеологических коннотаций, но и проявление модальности, определяющей отношение говорящего к высказыванию. В рамках официальной идеологии такая идеологема воспринималась негативно. По словарю Д. Ушакова, *вредитель* - «контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить антисоветскую интервенцию» [Толковый словарь 1935-1940].

Однако ключевое понятие - это «пучок значений» [Фоменко 2003: 55], и его объем не ограничивается лексическим значением слова, т.е. данная идеологема включает как идеологические, так и авторские коннотации. Для издателя вредительство заключается уже в том, что Макковеев пишет дневник, в котором фиксирует свои мысли, страхи, размышления. Оказывается, что и мысли наказуемы: «*Мысли не менее реальны, чем самый настоящий заговор, за который расстреливают беспощадно сумасбродов*». У главного героя постоянно возникает желание сжечь дневник, но останавливает мысль о свободе, которой нет во внешнем мире. «*Если я обладаю мужеством написать и не сжечь написанного, значит, я - личность. Если я струшу и сожгу, значит, я - не человек, а гад пресмыкающийся*».

В конце повести сообщается о том, что записки прерываются, а их автор был отправлен в психиатрическую лечебницу, в которой и скончался. Пафос повести, несмотря на обилие идеологем, не обличение, а скорее оправдание главного героя, который находится между двумя группами «свой» - «чужой», и, являясь внешне «своим», в мыслях остается «чужим» для советской власти. Это произведение стало своеобразным приговором, вынесенным Чулковым самому себе как человеку, склонному к компромиссам.

Таким образом, текстовая модальность играет большую роль в создании и понимании текста, определяя характер повествования, отбор языковых и речевых средств. Реализация модальности в данном произведе-

нии представляется как оценка действительности и передача этой оценки посредством взаимодействия двух противоположных идеологических позиций.

Список использованной литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Едиториал УРСС, 2005. – Изд. 3-е. - 144 с.
2. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 212 с.
3. Солганик Г. Я. Текстовая модальность как семантическая основа текста и важнейшая стилевая категория // Синтаксическая стилистика. - М.: КомКнига, 2006. - С. 188-201.
4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. из-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.
5. Успенский Б. А. Семиотика искусства. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - 360 с.
6. Фоменко И. В. Введение в практическую поэтику. - Тверь: Лилия Принт, 2003. - 180 с.
7. Чулков Г. Вредитель // Знамя. - 1992. - № 1. - С. 127-154.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» В ПОЭТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Сибгаева Ф. Р.

Казанский государственный университет

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Сафиуллиной Ф. С. и к.ф.н., доц. Набиуллиной Г. А.

Поэтическая фразеология является отражающей все стороны жизни татарского народа, его прошлое и настоящее, его представления и верования, характер, психологию, в том числе пространственную ориентацию, расположение объектов в пространстве и др. В статье дается краткая характеристика терминам “картина мира”, “языковая картина мира”, “пространство”; анализируются поэтические фразеологизмы татарских поэтов, где фразеологизмы дают возможность раскрыть психологические и ментальные особенности представления пространства татарским народом.

В лингвистике термины «модель мира», «языковая модель мира», «картина мира», «языковая картина мира», «концепт» и т.д. изучается уже с 60-х годов прошлого столетия, а в татарской лингвистике лишь с 80-90-х годов XX столетия. Языковая картина мира - это отражение взаимоотношений человека и языка, человека и окружающего мира. Она также связана с определением роли языка в формировании различных картин мира у человека. Как отмечает Г. А. Брутян, языковая картина мира всегда представляет собой результат деятельности целого ряда поколений, для которых язык служит средством аккумуляции и передачи опыта мировосприятия. Передача культурно-исторического опыта поколений была бы невозможной, если бы в языке не были выработаны общечеловеческие значимости [1: 42].

Несмотря на единство мира как объекта мира познания и отображения в языке, разные народы по-разному осмысливают реальную действительность, на что оказывают влияние географические и социальные условия жизни народа, мир его предметного окружения, образ жизни, традиции и обычаи.

За последние годы появились многочисленные работы по этой проблеме, что и позволило в русской терминологии достаточно разработать лингвистическую теорию картины мира и её терминологию. Также активизируется работа по этой проблеме и в тюркологии. По мнению башкирского языковеда З. М. Раемгужиной, многие исследования ведутся попутно, на ограниченном материале, фрагментарно [2: 9]. В 2006 году появился на свет, под общей редакцией Э. Р. Тенишева обобщающий труд, посвящённый моделям мира тюрков и отдельных тюркских народов [3: 908]. Что касается татарского языкознания, то изучение языковой картины мира только-только начинается. Именно поэтому в этой статье мы попытаемся рассмотреть пространство в картине мира поэтической фразеологии татарского языка.

Модель мира как у тюркских народов, так и у татар представляется трёхмерной: күк “небо” - верхний мир, жир “земля” - средний мир, жир асты “подземелье” - нижний мир. В научной работе “Языковая картина мира в башкирской фразеологии” З. М. Раемгужиной этот факт более уточняется, конкретизируется. Верхний мир - это күк, хава “небо”. Там живут кояш “солнце”, ай “луна”, йолдызлар “звёзды”, Алла, Ходай, Тәңре «Бог, Всевышний», Средний мир - это жир, жир-су «земля, земля-вода», т.е. место, где живут люди, животные и растения. Нижний мир загадочен и таинственен. Это мир мёртвых, место захоронения животных, место обитания злых духов. В то же время в нём сосредоточены подземные богатства и т.д. [2: 11].

Таким образом, нами рассматриваются поэтические фразеологизмы татарского языка, в которых раскрываются представления поэтов о небе, солнце, луне, звездах, мире, земле, подземелье и т. д. Нами было отмечено, что довольно активно применяются фразеологизмы с элементами өс - урта - ас “верх - середина - низ”, күк - жир - чоңгыл “небо - земля - пропасть», баш - гәүдә - аяк “голова - туловище - нога”, баш очы (түбәсе) - тез - табан асты “макушка - колено - подошва”, болыт - жир - чоңгыл “облако - земля - пропасть” и др.

Зульфат в стихотворении “Мәңгелек” (“Вечность”) значение ухода в потусторонний мир передает через фразеологизм “ак болытка әверелү” (превращение в белое облако).

Беребез тама - гөлләргә,